

Токтарбекова Л.Н.^{1*}, Сейтахметова Н.Л.¹

Алтайқызы А.², Ишпекбаев Ж.Е.³

¹Институт философии, политологии и религиоведения КН МНВО РК,
г. Алматы, Республика Казахстан

²Университет Стэнфорд, Центр российских, восточноевропейских и евразийских
исследований, Стэнфорд, США

³Казахский национальный педагогический университет имени Абая,
г. Алматы, Республика Казахстан

*e-mail: lauratoktarbekova@gmail.com

К ВОПРОСУ ПРОБЛЕМАТИЗАЦИИ ТЕРМИНА «ИСЛАМОФОБИЯ» В ПОЛИТИЧЕСКОМ И СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОМ ДИСКУРСЕ ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Аннотация

Статья анализирует развитие и проблематизацию понятия «исламофобия» в двух взаимосвязанных пространствах британского знания – парламентском и академическом. Опираясь на стенограммы Палаты лордов и Палаты общин (1997-2024 гг.) и научные работы ведущих британских исследователей (К. Аллен, Т. Модуд, Н. Мир, Л. Мусави, А. Вакил, К. Малик и др.), авторы выявляют, что отсутствие нормативно признанного определения сохраняет концептуальную расплывчатость термина и осложняет правоприменительную практику. Правительство удерживает термин «антимусульманская ненависть», указывая на несоответствие версии Все партийной парламентской группы (APPG, 2018) Закону о равенстве 2010 г. и возможное ограничение свободы слова. Научное сообщество, признавая структурный характер дискриминации, одновременно критикует термин за смешение религиозных и расовых маркеров. Статья демонстрирует, что парламентский и академический дискурсы сходятся в оценке институционального характера враждебности к мусульманам, но расходятся в терминологическом решении. Основной вклад статьи – сопоставление парламентских дебатов и академических рамок, вскрывающее разрыв между политической прагматикой и научной рефлексией.

Ключевые слова: исламофобия, парламент Великобритании, культурный расизм, британские мусульмане, государственная политика.

Л.Н. Токтарбекова¹, Н.Л. Сейтахметова¹, А.Алтайқызы², Ж.Е. Ишпекбаев³

¹ҚР ҒЖБМ ҒК Философия, саясаттану және дінтану институты,
Алматы қ., Қазақстан Республикасы

²Стэнфорд университеті, Ресей, Шығыс Еуропа және Еуразиялық зерттеулер орталығы,
Стэнфорд, АҚШ

³Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті,
Алматы қ., Қазақстан Республикасы

ҰЛЫБРИТАНИЯНЫҢ САЯСИ ЖӘНЕ ӘЛЕУМЕТТІК-МӘДЕНИ ДИСКУРСЫНДАҒЫ «ИСЛАМОФОБИЯ» ТЕРМИНІ МӘСЕЛЕСІ

Аңдатпа

Мақалада британдық білімнің өзара байланысқан екі кеңістігінде – парламенттік және академиялық ортадағы «исламофобия» ұғымының қалыптасуы мен шиеленісуі талданады. 1997-2024 жж. аралығындағы Лордтар палатасы мен Қауымдар палатасының

стенограммаларына, сондай-ақ К. Аллен, Т. Модуд, Н. Мир, Л. Мусави, А. Вакил, К. Малик және тағы басқа жетекші британдық зерттеушілердің еңбектеріне сүйене отырып, авторлар нормативті тұрғыда қабылданған анықтаманың жоқтығы терминнің тұжырымдамалық анық еместігі сақталып, құқықтық қолдану тәжірибесін күрделендіретінін айқындайды. Үкімет Жалпыпартиялық парламенттік топтың (APPG, 2018) ұсынған нұсқасы 2010 жылғы Теңдік туралы заңға қайшы және сөз бостандығын шектеуі ықтималдығын алға тарта отырып, «мұсылмандарға қарсы өшпенділік» (anti-Muslim hatred) терминін қолдайды. Ал ғылыми қауымдастық кемсітушіліктің құрылымдық сипатын мойындай отырып, терминнің діни және нәсілдік белгілерді араластырғаны үшін сынға алады. Мақала парламенттік және академиялық дискурстардың мұсылмандарға қатысты қарсылықтың институционалдық табиғатын бағалауда тоғысатынын, алайда терминологиялық тұрғыда елеулі айырмашылықтарға жол беретінін көрсетеді. Зерттеудің негізгі жаңалығы парламенттік дебаттар мен академиялық тұжырымдамаларды салыстыра отырып талдап, саяси прагматика мен ғылыми рефлексия арасындағы алшақтықты айқын ашып көрсетуінде.

Түйін сөздер: исламофобия, Ұлыбритания парламенті, мәдени нәсілшілдік, британдық мұсылмандар, мемлекеттік саясат.

L.N. Toktarbekova¹, L.N. Seitakhmetova¹

A. Altaikyzy², Zh.Ye. Ishpekbaev³

*¹Institute for Philosophy, Political Science and Religious Studies of the CS MSHE RK,
Almaty, Kazakhstan*

*²Stanford University, Center for Russian, East European and Eurasian Studies,
Stanford, USA*

³Abai Kazakh National Pedagogical University, Almaty, Kazakhstan

ON THE ISSUE OF PROBLEMATIZATION OF THE TERM “ISLAMOPHOBIA” IN THE POLITICAL AND SOCIO-CULTURAL DISCOURSE OF GREAT BRITAIN

Abstract

The article analyses the development and problematisation of the concept of “Islamophobia” in two interrelated spheres of British knowledge: parliamentary and academic. Drawing on the transcripts of the House of Lords and the House of Commons (1997-2024) and academic papers by leading British researchers (C. Allen, T. Modood, N. Mir, L. Mousavi, A. Vakil, K. Malik, etc.), the authors reveal that the absence of a normatively recognised definition keeps the term conceptually vague and complicates law enforcement practice. The government has refrained from utilising the term “anti-Muslim hate”, instead highlighting the incongruity between the All Party Parliamentary Group's (APPG) definition and the provisions outlined in the Equality Act 2010, which could potentially impede the freedom of speech. The academic community, while acknowledging the structural nature of discrimination, simultaneously criticises the term for its tendency to conflate religious and racial markers. The article demonstrates that, despite a convergence in the assessment of institutional hostility towards Muslims within parliamentary and academic discourses, a divergence emerges in the resolution of terminology. The primary contribution of the article is the juxtaposition of parliamentary debates and academic frameworks, which reveals the discrepancy between political pragmatics and academic reflection.

Keywords: Islamophobia, UK Parliament, Cultural Racism, British Muslims, Public Policy.

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования феномена исламофобии связана с периодически появляющимся дискурсом вражды по отношению к исламскому контенту в политике и

имеющимся неоднозначным определением термина «исламофобия» в зарубежной и отечественной гуманитарной науке. Целью настоящей статьи является анализ источниковедческого и медийного ресурсов, включающих в себя разноуровневые дебаты по проблемам определения исламофобии и ее искоренения в культуре поведения и сознания светского британского общества. Опыт концептуального анализа исламофобии в Великобритании будет очень полезен для отечественного исламоведения и религиоведения в контексте разработки рекомендаций для предотвращения радикализации религиозного сознания и формирования толерантной межкультурной и межконфессиональной коммуникации.

Гипотеза исследования связана с выводом о том, исламофобия на фоне геополитических турбулентных процессов будет то затихающим процессом, то активизирующимся, но о завершении исламофобии как явления межконфессионального противостояния и тем более как явления, возникающего на стыке междивизиационного столкновения, говорить рано.

Проблемой исследования является всесторонний дискурс анализ исламофобии как концепта, как явления, как маркера политических и религиозных процессов на британских материалах.

Термин «исламофобия» в британском контексте определяют как предвзятое отношение, враждебность или дискриминацию по отношению к исламу и мусульманам. Он используется для описания предрассудков, действий и установок, направленных против людей из-за их мусульманской религиозной принадлежности или предполагаемой связи с исламом. К исследованию термина «политический ислам» исследователи предлагают различные подходы к его определению, акцентируя внимание на сложном и многослойном его характере. В настоящее время в дебатах британского правительства нет точного определения исламофобии, и вопрос до сих пор висит в воздухе. Дело в том что, Консервативная партия Великобритании (Правительство Тори), не принимает определение исламофобии, предложенной в 2018 году Всепартийной парламентской группой по делам британских мусульман (APPG).

В 1996 году The Runnymede Trust, независимое исследовательское и социально-политическое агентство, создало Комиссию по проблемам мусульман и исламофобии. Комиссия под председательством профессора Гордона Конвея состоит из восемнадцати членов и является многоэтническим и многоконфессиональным комитетом. Комиссия тщательно исследовала данные задачи, проведя обширный социологический опрос. Исследователи выделили восемь ключевых аспектов исламофобии, среди которых были убеждения о том, что ислам является монолитной, статичной религией, что он полностью чужд западным ценностям и что он рассматривается как «враг» Запада. Это определение подчеркивает культурный и расовый контекст исламофобии, связывая ее с более широкими формами предрассудков и дискриминации.

Одновременно британские исследователи начали критически пересматривать концепцию, подвергая сомнению ее аналитическую ценность (К. Аллен). Некоторые ученые считают ее расистской (Т. Модуд, Н. Мир), другие видят в ней угрозу свободе слова (К. Малик, Р. Хасан).

В этой статье мы попытаемся сравнить парламентский и академический дискурсы, определить, как они влияют друг на друга и в чем их различия. Также мы рассмотрим, как терминологическая неопределенность влияет на антидискриминационную политику и научное знание.

Обзор научной литературы

В исследованиях, посвященных исламофобии, британские ученые рассматривают два ключевых аспекта, онтологический статус этого явления и его нормативные последствия. Кристофер Аллен [1] стал первым, кто подверг сомнению термин «исламофобия». Он считал, что это понятие слишком широко и неточно описывает предрассудки, а также

объединяет различные практики без должного анализа. В связи с этим он предложил более глубокий анализ этого явления.

Абдулкарим Вакил [2] предложил рассматривать исламофобию в контексте ксенофобии и других форм расового насилия. Он считает, что изолированное использование этого понятия не отражает всей сложности и переплетения этих явлений.

Насар Мир и Тарик Модуд [3, 4, 5] отреагировали на эту критику, предложив рассматривать исламофобию как разновидность культурного расизма. Они утверждают, что исламофобия возникает из-за того, что культурные различия маргинализированных групп пытаются привести к «цивилизационной норме». Таким образом, они интегрировали концепцию исламофобии в британскую историю борьбы с расизмом и антидискриминационным правом.

В работах Тахира Аббаса [6] и Леона Мусави [7] рассматривается эмпирическая сторона проблемы. Л.Мусави показывает, как в риторике правительства в период с 2001 по 2007 год закрепилась связь между исламом и терроризмом. Использование таких терминов, как «исламский экстремизм» и «мусульманский фундаментализм», привело к формированию негативного отношения к мусульманам.

Тахир Аббас, в свою очередь, показывает, как после событий 11 сентября эта стигма усилилась благодаря медиа. Они переосмыслили арабские религиозные термины, используя их в контексте войны, что создало атмосферу страха и привело к появлению политического запроса на определение исламофобии.

Публицисты и экономисты либерального направления критикуют расширение этого понятия. Кенан Малик [8] считает, что оно стирает грань между конструктивной критикой религии и ненавистью, что приводит к самоцензуре и ограничивает свободу слова. По его мнению, уголовно наказуемым должно быть только прямое подстрекательство к насилию.

Руми Хасан [9] выражает сомнения в том, что исламофобия связана с расизмом. По его мнению, эта связь не имеет логического обоснования и выглядит расплывчатой.

В то же время Робин Ричардсон [10] считает, что, несмотря на неопределенность термина, понятие «исламофобия» уже прочно вошло в обиход. Задача ученых – четко определить, что именно оно описывает, и при необходимости дополнить его другими категориями, такими как «антимусульманский расизм».

В британской литературе можно выделить два противоположных подхода. С одной стороны, растет осознание того, что исламофобия имеет структурный и расистский характер. С другой стороны, существует мощный либеральный дискурс, который требует защиты пространства для критики религиозных идей. Именно в этом теоретическом конфликте формируются современные исследования и политические меры, направленные на противодействие дискриминации мусульман в Великобритании.

Несмотря на обширную научную литературу, посвященную исламофобии в британском контексте, подавляющее большинство работ сосредотачивается либо на нормативно-правовом измерении (например, в контексте закона о равенстве 2010 года), либо на социокультурной критике (включая работы Т.Модуда, Н.Мира и К.Аллена), а также на медиаанализе репрезентаций мусульман. Настоящая статья предлагает новый ракурс – системное сопоставление парламентских дискурсов с академическими интерпретациями, что ранее не предпринималось в столь комплексной и синхронизированной форме. В отличие от исследований, фокусирующихся на одной из сторон (государственной или академической), мы выявляем не только расхождения в понимании самого термина, но и институциональные последствия этой терминологической поляризации. Таким образом, научная новизна статьи заключается в выявлении дискурсивного и правового разрыва между официальной политической риторикой и академическим консенсусом, а также в предложении гибридной модели понятийного аппарата, способной интегрировать разные логики – правовую, культурную и концептуальную.

МЕТОДОЛОГИЯ

Методологическая основа исследования строится на дискурс-анализе как инструменте выявления смысловых конструкций, доминирующих в парламентском и академическом поле Великобритании по отношению к термину «исламофобия». Исследование предполагает сопоставление политического и научного дискурсов, что позволяет проследить расхождения в интерпретации, а также выявить институциональные и эпистемологические разрывы между двумя сферами.

Первым корпусом источников стали парламентские материалы: устные и письменные запросы, стенограммы дебатов, правительственные отчеты и ответы, охватывающие период с 1997 по 2024 год. Для отбора релевантных высказываний использовалась комбинированная стратегия: поисковая выборка по ключевым терминам («исламофобия», «антимусульманская ненависть», «hate crime», «APPG», «British Muslims» и др.), а также контекстный просмотр всех упоминаний, в которых содержатся ссылки на правовую, этическую и социальную проблематику термина. Особое внимание уделялось случаям, где формулировались нормативные предложения, политические оценки или комментарии по поводу определения исламофобии, ее правового статуса и связи с Законом о равенстве 2010 года.

Второй корпус составили научные публикации ведущих британских исследователей – Кристофера Аллена, Тарика Модуда, Насара Мира, Абдулкарима Вакила, Кенана Малика, Леона Мусави, Тахира Аббаса и других. Отбор производился на основе следующих критериев: тематическая релевантность (исследование исламофобии как социокультурного и политического феномена); авторитетность источника (индекс цитируемости в Scopus и Google Scholar, аффилиция с ведущими британскими университетами); разнообразие подходов – от критической расовой теории до либеральной правозащитной критики термина.

Формирование аналитических категорий происходило посредством индуктивного контент-анализа. После первичного кодирования высказываний и текстов были выделены семантические блоки, повторяющиеся в обоих дискурсах: нормативно-правовая легитимация термина; связь исламофобии с расизмом (в том числе «культурным» и «структурным»); угрозы свободе слова; понятие ассимиляции и мультикультурализма; функциональность термина в статистике преступлений на почве ненависти. Эти категории стали основой для сравнительного анализа парламентских и академических позиций.

Методологический инструментарий включает также элементы герменевтики – интерпретации риторических и идеологических структур в рамках публичных дебатов, а также компаративистику – при сопоставлении аргументации разных групп (правительство, оппозиция, научное сообщество). Такой подход позволяет не только анализировать содержания, но и реконструировать те культурные и политические рамки, в которых функционирует понятие «исламофобия».

Важно подчеркнуть, что в исследовании сознательно не рассматривался опыт других стран, несмотря на очевидную релевантность контекстов Франции, Германии, США или Нидерландов. Это решение обусловлено несколькими факторами. Во-первых, Великобритания обладает уникальной историей дискурсивного развития термина «исламофобия», начиная с отчета The Runnymede Trust [11], что делает британский кейс теоретически насыщенным и институционально детализированным. Во-вторых, именно в британском парламенте вопрос определения исламофобии стал предметом длительных, формализованных и репрезентативных дебатов, в отличие от более кратких и фрагментарных обсуждений в других странах. В-третьих, ограничение рамок исследования только британским дискурсом позволило провести более глубокий и фокусированный анализ, избежав рисков поверхностного сопоставления и методологической перегрузки.

Методология исследования направлена на выявление когнитивных и нормативных механизмов, лежащих в основе формулирования политических и академических смыслов термина «исламофобия». Это обеспечивает как теоретическую новизну, так и прикладную значимость работы для разработки более точных и справедливых правовых категорий в мультикультурных обществах.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Проблема определения исламофобии в парламенте Великобритании

В 1997 году в докладе The Runnymede Trust исламофобия была определена как «скопление предубеждений и стереотипов, которые ведут к исключению и дискриминации мусульман в политической, социальной и экономической сферах» [11], и считается одной из наиболее цитируемых определений.

Всепартийная парламентская группа (APPG) по делам британских мусульман была создана 18 июля 2017 года для продолжения работы APPG по борьбе с исламофобией, но с более широкими полномочиями для изучения широкого круга вопросов, которые волнуют британских мусульман и затрагивают их интересы.

В этом же году 17 октября баронесса Варси (Сайида Хуссейн Варси) в устном вопросе в Палате лордов [12] спросила правительство, имеется ли определение «исламофобия», нам давно пора дать определение исламофобии? Согласен ли он с тем, что правительство не может принципиально бросить вызов ненависти, которая лежит в основе преступлений на почве ненависти, пока не определили, что это за ненависть?

Лорд Борн заявил, что правительство привержено искоренению религиозной ненависти и нетерпимости. Однако относительно определения, правительство в настоящее время не поддерживает конкретное определение исламофобии. Предыдущие попытки других дать определение этому термину не увенчались успехом в достижении консенсуса или широкого признания. Значительную работу в этих областях проделывают Tell Mama (Измерение антимусульманских нападений) и Рабочая группа по борьбе с мусульманской ненавистью. Они делают это, понимая и умея распознавать исламофобию, но, возможно, не имея возможности точно ее определить.

В апреле 2018 года Всепартийная парламентская группа (APPG) по делам британских мусульман начала расследование рабочего определения исламофобии. APPG ясно дала понять, что расследование будет широко консультативным мероприятием по установлению рабочего определения исламофобии, которое могло бы быть широко принято британскими мусульманскими общинами и действовать в правительственных, государственных, общественных и частных организациях с целью обеспечения того, чтобы любое ущемление признания, пользования или осуществления на равных началах прав человека и основных свобод в политической, экономической, социальной, культурной или любой другой сфере общественной жизни британскими мусульманами могло быть адекватно рассмотрено соответствующими органами надлежащим образом [13].

В итоге Всепартийная парламентская группа (APPG) предложила более конкретное определение исламофобии: «Исламофобия коренится в расизме и представляет собой форму расового насилия, направленного против выражений мусульманство или воспринимаемое мусульманство» [13]. Эти определения подчеркивают, что исламофобия включает как индивидуальные, так и институциональные проявления, направленные на маргинализацию мусульман, что делает ее не только вопросом религиозной нетерпимости, но и вопросом расового и культурного угнетения.

В 2018 году 20 декабря новое определение Всепартийная парламентская группа (APPG) передала на обсуждение Парламентом Великобритании.

16 мая 2019 года в Палате Лордов было обсуждено определение исламофии [14]. Член Консервативной партии Джеймс Брокеншир внес вердикт что, определение APPG, не соответствует Закону о равенстве 2010 года, который определяет расу как включающую цвет кожи, национальность и национальное или этническое происхождение, ни одно из которых не обязательно охватывает мусульманскую или исламскую практику.

2020 году 13 февраля в Палате лордов Лорд Шейх (Мохамед Илтаф Шейх) задал вопрос Правительству о том, какого прогресса оно достигло на пути к принятию официального определения исламофобии [15]. Заместитель государственного секретаря Виконт Янгер из Леки (Джеймс Эдвард Джордж Янгер) ответил, что определение, предложенное APPG, не

соответствует Закону о равенстве 2010 года и может иметь последствия для свободы слова. Исламофобия, хотя и является преступлением на почве ненависти, не является формой расизма, как это определено в Законе о равенстве 2010 года. Раздел 9 Закона определяет расу как включающую «цвет кожи, национальность» и «этническое или национальное происхождение», ни одно из которых не охватывает мусульманство или исламскую практику, поэтому смешение расы и религии, противоречащее любому определению, может вызвать путаницу.

В Палате Лордов было несколько обсуждений по принятию определения исламофобии 2021, 2022 и 2023 годы. В этом году были проведены по этому вопросу 3 дискуссии (январь, март и апрель 2024).

2024 года 9 января была рассмотрена Петиция жителей Соединенного Королевства о принятии определения исламофобии, данное APPG [16]. Они заявляют, что необходимо официальное, поддерживаемое правительством определение исламофобии; далее заявляется, что определение APPG в отношении британских мусульман является более подходящим, которое определяет исламофобию как «коренящуюся в расизме и тип расизма, направленный против проявлений мусульманства или предполагаемого мусульманства»; отмечается, что это определение признает, что мусульмане подвергаются системе дискриминации, контроля и социально-экономической изоляции, наряду с преступлениями на почве ненависти, преследованиями и оскорблениями; далее отмечается, что принятие этого определения является важным первым шагом на пути к борьбе с ненавистью к мусульманам в Великобритании [16].

Но министр жилищного строительства, планирования и безопасности зданий Ли Роули пояснил, что определение исламофобии, предложенное APPG, не соответствует Закону о равенстве 2010 года, который определяет расу с точки зрения цвета кожи, национальности и национального или этнического происхождения. Предложенное определение также может непреднамеренно подорвать свободу слова и помешать законной критике исламистской идеологии или неприемлемых культурных и/или религиозных практик. По мнению консервативной партии термин «антимусульманская ненависть» – более точный термин, который лучше отражает британское законодательство о преступлениях на почве ненависти. Он также предоставляет больше пространства для критических дебатов о теологии, культуре и религиозной практике, при этом признавая, что это обычно должно делаться таким образом, чтобы вызывать у людей уважение.

20 марта этого года в Палате общин Великобритании выступила член Консервативной партии и заместитель государственного секретаря по вопросам жилищного строительства и общин - Фелисити Бьюкен [17]. Она доложила, что британское общество не потерпит «антимусульманской ненависти» в любой форме и будет стремиться искоренить ее, где бы она ни возникала. Также правительство назначает независимого советника для борьбы с «антимусульманской ненавистью», которой присоединится к независимому советнику по антисемитизму. Дебби Абрахамс в связи с ее выступлением спросила, почему консерваторы – единственная политическая партия в Великобритании, так долго не торопилась в выработке определения исламофобии, который отражает их безразличие к страху, дискриминации и ненависти, которые испытывают тысячи мусульман. На что она ответила, что они не согласны с общепартийной группой по определению исламофобии британскими мусульманами; консерваторы считают, что наиболее подходящим термином является «антимусульманская ненависть», потому что в стране существует свобода вероисповедания, а также свобода критиковать религию, никто не может дискриминировать или проявлять ненависть к кому-то из-за религии.

За прошедшие годы каждая политическая партия, за исключением консерваторов, приняла это определение, наряду с советами, избранными мэрами, профсоюзами, учеными и общественными группами по всей стране.

В 15 марта 2023 году Организация Объединенных Наций провела первый в истории Международный день борьбы с исламофобией. Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию, поддержанную 60 мусульманскими государствами-членами и призвал все государства-члены ООН отметить этот день признанием исламофобии и работой по борьбе с ней.

Организация Объединенных Наций дает такое определение исламофобии: «это страх, предубеждение и ненависть к мусульманам, которые ведут к провокации, враждебности и нетерпимости посредством угроз, преследований, оскорблений, подстрекательства и запугивания мусульман и немусульман как в онлайн-, так и в офлайн-мире. Мотивированная институциональной, идеологической, политической и религиозной враждебностью, которая переходит в структурный и культурный расизм, она нацелена на символы и маркеры мусульманства» [18].

Правительство Великобритании каждый год приводит статистику о преступлении на почве ненависти (Hate crime, England and Wales) [19]. При изучении ежегодного отчета «О преступлении на почве ненависти», мы обнаружили, что в последние пять лет год за годом увеличиваются преступления на почве религиозной неприязни. По отчету мы понимаем, что в Великобритании до сих пор существует исламофобия и антимусульманство.

Дискурс анализ британских исследователей

В последние годы в научном сообществе Великобритании активно обсуждается проблема «исламофобии», что связано с изменениями в социальной и политической сферах, миграционными процессами и повышенным вниманием к вопросам расовой и религиозной дискриминации. Понятие «исламофобия», которое широко используется, но до сих пор вызывает споры, и стало предметом изучения для ученых. Они стремятся разобраться в его тонкостях, последствиях и рисках злоупотребления.

В Великобритании термин «исламофобия» анализировался различными исследователями, стремящимися понять его значение для социальной сплоченности и общественных отношений. Исследователи, такие как Кристофер Аллен, Тарик Модуд, Насар Мир и Кенан Малик и другие, внесли значительный вклад в изучение сложных смыслов и неоднозначных применений термина «исламофобия». Они продемонстрировали, как этот термин используется в разных социальных ситуациях и идеологических контекстах.

Истоки «исламофобии» восходят к концу XX века и стали ответом на повышение роли мусульман в западных обществах, особенно после событий 11 сентября. Британский социолог и культурный критик Эдвард Саид заложил основу для понимания динамики ориентализма, которую можно рассматривать в качестве дискурса исламофобии. Э.Саид утверждает, что на Западе исторически сложилось представление о Востоке как о «другом», что способствовало возникновению предрассудков и дискриминации [20]. Эта концепция необходима для понимания того, как исламофобия представляет собой форму культурного дискурса, увековечивающего стереотипы и усиливающего дисбаланс сил.

Британский социолог Кристофер Аллен подробно изучил, как исламофобия проявляется в публичном дискурсе, подчеркивая, что это не просто личные предрассудки, а системная проблема, коренящийся в социальных структурах. По мнению К.Аллена нет единого авторитетного текста об исламофобии, несмотря на ее растущую распространенность и последствия: «Нет ни одного авторитетного текста, который пытался бы понять или контекстуализировать то, что можно было бы считать одним из самых опасных предрассудков в современном климате» [1, С. 1].

В своей книге «Islamophobia» Кристофер Аллен подчеркивает, что сам феномен «исламофобии» окружен постоянными спорами и противоречиями, связанными с его определением и концептуализацией: «В различных отчетах возникает беспокойство и споры... относительно ее отсутствия ясности; что такое исламофобия; ее распространения и ненасытности; ее проблемной природы; и, несмотря на это, существует ли исламофобия на самом деле» [1, С. 16]. Также он сравнивает исламофобию с расизмом: «Исламофобия - это

идеология, схожая по теории, функции и цели с расизмом и другими подобными явлениями, формируя и определяя понимание, восприятие и отношение в общественном консенсусе...» [1, С. 190]. Однако он задается вопросом: действительно ли стоит выделять исламофобию как самостоятельную категорию, или это лишь форма «расизма, которая выражается против маркеров “мусульманства”, а не религии ислама»? Более того, использование термина «фобия» может «патологизировать» агрессию, позволяет «виновникам... быть “излеченными”», но «отклоняет понимание... в биологически задуманные рамки, в которых укоренились некоторые традиционные формы расизма» [1, С. 136].

К.Аллен заключает, что «исламофобия порой представляет собой не более чем неразборчивый и всеобъемлющий термин, который используется для того, чтобы удовлетворить или умиротворить широкий спектр комментаторов, деятелей и преступников различными способами» [1, С. 101], и что «исламофобия... определенно не “фобия”, а название того, что увековечивает и поддерживает те смыслы, которые актуальны и признаны в общих языках и концептуальных картах сегодняшней обстановки» [1, С. 196].

Социолог показывает, что сам термин оказывается одновременно необходимым и противоречивым. С одной стороны, «“исламофобия” объединяет всевозможные формы дискурса, речи и действий, предполагая, что все они исходят из одинакового идеологического ядра, которым является “страх” или “фобия” ислама» [1, С. 20], но с другой, эта широкая рамка часто приводит к чрезмерному упрощению и поверхностному пониманию: «Исламофобия сводится к явлению, которое является одновременно и чрезмерно упрощенным, и в значительной степени поверхностным, определяемым больше характеристиками жертв, чем мотивацией и целью самих преступников. Кроме того, он также не воплощает ни необходимую ясность мысли или концепции, ни аналитическую или эмпирическую достоверность...» [1, С. 80]. Он также указывает на то, что «для того, чтобы начать достигать лучшего понимания, необходимо провести больше теоретических деконструкций», поскольку только так можно прояснить «катализаторы, процессы и мотивы, лежащие в основе и влияющие на такие проявления и отношения» [1, С. 100]. В противном случае понятие рискует превратиться в «неразборчивый и всеобъемлющий термин», служащий лишь для «умиротворения широкого спектра комментаторов, деятелей и преступников» [1, С. 101].

Эту критику развивает британский историк Абдулкарим Вакил, подчеркивая, что важнее самого слова те «значения, которые оно реляционно конфигурирует ...в напряжении с терминами ксенофобия, расизм, антимусульманизм» [2, С. 80]. Подобный сдвиг от «страха» к «расовой» или «культурной» логике отражен и у Насара Мира с Тариком Модудом: «такие термины, как антимусульманские настроения и исламофобия... должны гнездиться в концепциях культурного расизма и расизации» [3, С. 37-38]. Именно поэтому «культурный расизм строится на биологическом» и, опираясь на стереотипы, требует «культурной ассимиляции» от групп, уже пораженных биологическим расизмом [4, С. 39].

Профессор Тарик Модуд подчеркивает, что исламофобию нельзя рассматривать просто как религиозную нетерпимость, но ее следует понимать как расовое явление: «Исламофобия – это не просто религиозный предрассудок; она тесно связана с расовой и этнической принадлежностью, что делает ее гибридной формой расизма» [5, С. 31]. Тарик Модуд и Насар Мир рассматривают исламофобию как «модальность культурного расизма» «в то время как биологический расизм представляет собой антипатию, исключение и неравное обращение с людьми на основе их внешности или других приписываемых физических различий, особенно в Великобритании, их «небелизны», культурный расизм строит на биологическом расизме дальнейший дискурс, который вызывает культурные различия из предполагаемой британской, «цивилизованной» нормы, чтобы очернить, маргинализировать или потребовать культурной ассимиляции от групп, которые также страдают от биологического расизма» [4, С. 39].

В статье Тахира Аббаса «After 9/11: British South Asian Muslims, Islamophobia, Multiculturalism, and the State» исследуется, как события 11 сентября 2001 г. и последовавшие за ними меры государств Запада трансформировали дискурсы об исламофобии и мультикультурализме в Британии. В отчете, предложенном Runnymede Trust, исламофобия рассматривается как разновидность ксенофобии и презрения ко всему «иностранному». В отчете выделяются семь ключевых признаков: от монолитного восприятия мусульманских культур до смешения страха перед исламом с расистской враждебностью к иммиграции и отсутствию полноценной правовой защиты «религиозных» маркеров [6, С. 29]. Усиление этих тенденций наблюдается в британской прессе: резкий рост освещения «экстремистских групп» и «исламского терроризма» сопровождается циничным переосмыслением арабских терминов – «джихад» превращается в военную войну против Запада, а слова «фундаменталист», «экстремист» и «радикал» регулярно вносятся в апокалиптические заголовки всех секторов британских СМИ [6, С. 30]. В итоге и сам подход британского мультикультурализма оказывается под серьезным испытанием: критически важно проследить за тем, как мусульманские общины переживают и реагируют на нарастающее давление и стигматизацию в следующие годы [6, С. 36]. Доктор Аббас подчеркивает, что британские мусульмане оказались между «глобальной войной с терроризмом» и внутренними социальными проблемами, требующими устранения расизма, дискриминации и укрепления равноправного гражданства.

Доктор Леон Мусави отмечает, что, несмотря на заявления о недопустимости отождествления мусульман с терроризмом, ключевые лица британского правительства регулярно прибегали к терминологии, усиливающей такое смешение: «несмотря на попытки не путать мусульман с терроризмом, было много случаев, когда Блэр и другие министры использовали термины “исламский экстремизм”, “исламский терроризм”, “исламский радикализм”, “мусульманский терроризм” и “мусульманский фундаментализм”» [7, С. 336]. При этом образ мусульман часто выстраивался как однородный, однако сами министры не упускали возможности искусственно «расслоить» сообщество, противопоставляя «истинных мусульман» и тех, кто, по их словам, искажает «реальный ислам»: «хотя мусульмане часто рассматривались как одна однородная группа, были случаи, когда министры... говорили об “истинных мусульманах” и “реальном исламе”» [7, С. 339].

В тех же речах прослеживалось обострение антимусульманских настроений, когда «наибольшую угрозу представляют иностранные мусульмане» и «исламофобия сливается с ксенофобией» [7, С. 352], что свидетельствует о взаимопереплетении религиозных и этнических предрассудков. Британский исследователь подчеркивает необходимость критической переоценки подобных нарративов: «поскольку негативное представление мусульман и ислама может привести к тому, что мусульмане столкнутся с неприемлемыми предрассудками и дискриминацией... эти исламофобские представления необходимо опровергнуть, указав на содержащиеся в них несоответствия, заблуждения и противоречия» [7, С. 359]. Подводя итог, автор констатирует, что «исламофобия, основанная на предположениях, стереотипах и умозаключениях, была определена как часто встречающаяся в речах министров-лейбористов в различных формах» [7, С. 359], что демонстрирует системный характер проблематичной риторики в период 2001-2007 годов.

В последние десять лет в Великобритании все больше внимания уделяется мусульманам. Одна из форм этого внимания была крайне неприятной: в СМИ часто показывали мусульман в унижительном и оскорбительном свете. Из-за такого изображения, которое способствовало распространению того, что сейчас называют «исламофобией», мусульмане в Великобритании сталкивались с дискриминацией и даже насилием [21].

Медиа становятся главным передатчиком этих смыслов. Профессор Т. Аббас отмечает присвоение арабских слов журналистским дискурсом: «джихад теперь означает военную войну... тогда как его истинное кораническое значение гораздо шире» [6, С. 30], и добавляет, что «инфляционный язык и заголовки, такие как “исламский терроризм”, ... скорее

запутывают, чем просвещают» [6, С. 108]. Флер Аллен показывает, как пресса проводит жесткую линию «мы – они», изображая ислам «варварским» и «угрожающим британскому образу жизни» [22, С. 82-83], а исследователи Брукс Гэвин и Карри Ниалл фиксирует смещение акцента к «институциональной исламофобии» и политическим партиям [23, С. 119].

На уровне официального дискурса та же бинарная логика прослеживается в выступлениях министров-лейбористов: они активно пользовались выражениями «исламский экстремизм» и «мусульманский терроризм», одновременно создавая «разделительные линии» между «истинными мусульманами» и «реальным исламом» [7, С. 336; 339]. Когда угроза приписывалась «иностранным мусульманам», «исламофобия сливалась с ксенофобией» [7, С. 352]. Политолог Николь Мартин показывает, что «...исламофобия, особая форма дискриминации, приведет к большой политической отчужденности среди мусульман» [24, С. 5-6], а доктор Сабах Фироз Уддин поддерживает Н.Мартин, утверждая, что «исламофобия продолжает оставаться центральным соображением в жизни британских мусульман» как о примере, где абстрактная ненависть перешла в прямые угрозы [25, С. 62].

Профессор Робин Ричардсон напоминает, что «слово исламофобия предположительно было придумано как аналогия с ксенофобией, но точно когда, где и кем, а также с какими конкретными целями и тезисами в уме, неизвестно» [10, С. 11]. Такое туманное происхождение подрывает аналитическую четкость понятия и делает его спорным. Более того, само употребление этого слова «подразумевает, что враждебность по отношению к мусульманам не связана с другими формами враждебности, например, основанной на цвете кожи, на мобильности мигрантов, на классовых иерархиях или на геополитической конкуренции» [10, С. 12]. То есть термин, невольно изолирует явление, которое в реальности переплетено с расизмом, антимигрантскими настроениями и антифундаменталистскими страхами. Тем не менее, «несмотря на свои недостатки, термин исламофобия выглядит так, как будто он здесь, чтобы остаться – теперь его нельзя исключить из лексикона» [10, С. 12]. Задача исследователей, по мнению Р.Ричардсона, состоит не в отмене слова, а в том, «чтобы как можно более четко определить, что оно означает, а чего не означает, и дополнять, или заменять его другими терминами, когда это уместно» [10, С. 12].

Одним из таких альтернативных выражений становится «антимусульманский расизм». Критики возражают, что «мусульмане не являются расой», следовательно, враждебность к ним якобы не может быть формой расизма. Однако, Р.Ричардсон указывает, что «человеческий вид – единая раса, и различия между так называемыми расами не имеют научной основы» [10, С. 12]. В британском контексте это аргумент усиливается юридической практикой: «Мусульмане будут определены в британском законодательстве как расовая группа, и вся сила законов о расовых отношениях будет использоваться против враждебности по отношению к ним» [10, С. 13]. Важно при этом понимать, что «мусульманская идентичность не обязательно связана с исповеданием конкретных убеждений или практик: чаще она коренится в чувстве принадлежности к широкой культурной традиции или в восприятии себя как ее части» [10, С. 13].

Критики понятия «исламофобия» сходятся в том, что само слово не проясняет, а запутывает общественную дискуссию о дискриминации – и тем самым подрывает как борьбу с ненавистью, так и свободу слова. Британский писатель и историк Кенан Малик замечает, что термин «трактует антимусульманскую дискриминацию и фанатизм таким образом, что это усугубляет, а не облегчает проблемы, с которыми сталкиваются мусульмане» [8]. По его словам, «он стал использоваться как сторонниками, так и противниками фанатизма, чтобы стереть различие между критикой и ненавистью», поскольку «смешивая критику и фанатизм, само понятие исламофобии затрудняет участие в рациональной дискуссии о том, где и как провести границу между ними» [8]. В результате любая строгая оценка догматических аспектов ислама может быть объявлена «исламофобией», а подлинная ненависть – списана на правомерную «критику» религии.

Кенан Малик, цитируя социолога Тарика Модуда, утверждает, что он полагает: «люди в общем политическом пространстве должны взаимно ограничивать степень, в которой подвергают критике фундаментальные убеждения друг друга», но К.Малик настаивает на обратном: «именно потому, что мы живем в плюралистическом обществе, нам необходимо максимально возможное расширение свободы слова» [8]. Для него линия запрета должна проходить не по «подстрекательству к ненависти», а по «подстрекательству к насилию»; все остальное следует решать «на политическом и моральном уровне», а не путем уголовных санкций. В этом ключе уважение к чужим убеждениям не равно безмолвному «толерантности»; оно проявляется через «надежные, открытые публичные дебаты» о ценностях, «трудные и часто конфронтационные», но необходимые «в любом обществе, которое стремится быть открытым и либеральным» [8].

Экономист Руми Хасан приходит к схожему выводу, подчеркивая логические ошибки, заключенные в самом термине. Он отмечает: «убеждение, что “исламофобия коренится в расизме”, является утверждением без убедительных доказательств», ведь «ислам не является расой» [9, С. 13]. Такое «смешение культуры с расой» делает понятие «туманным и субъективным», позволяя использовать его как «эффективное средство предотвращения критики, сатиры и антипатии... к исламу и мусульманам» [9, С. 16], термин «беспрепятственно стал принятым как действительное явление... но это явно вредно для свободы слова, основы свободного общества» [9, С. 18].

Мнение Кенана Малика и Руми Хасана пересекаются в единое интеллектуальное поле. Когда ярлык «исламофобия» заменяет разбор конкретных форм предубеждения, он мешает отличить аргументированную критику от истинного фанатизма, демобилизует общество в борьбе с насилием и одновременно душит свободные дебаты. Оба автора предлагают сдвинуть фокус, ограничивать лишь прямое подстрекательство к насилию, а во всем остальном поощрять открытую полемику, в которой «уважение требует бросать вызов ценностям и убеждениям других» [8]. Лишь так плюралистическое общество сможет одновременно защищать мусульман от реальной дискриминации и сохранять пространство для свободного обсуждения религиозных идей.

Критика существующих институциональных подходов звучит в работах профессора Ребекки Рут Гулд: «недостаточно продуманные» государственные определения исламофобии, которые одновременно чрезмерно расширяют и сужают понятие, нарушая демократическую легитимность и нивелируя борьбу с реальным антимусульманским расизмом [26, С. 4, 15, 24, 33].

Именно поэтому, заключает Сардар, сегодня «предрассудки против мусульман имеют долгую память», если не осознавать историческую и структурную природу явления, то «через десять лет мы будем говорить об окончании еще одного десятилетия, не достигнув никаких успехов» [27, С. 7, 15].

ОБСУЖДЕНИЕ

Полученные результаты подтверждают как прогресс в официальном признании необходимости определения, так и сохранение серьезных разногласий и практических барьеров. Для перехода от слов к реальным действиям по борьбе с исламофобией требуется комплексный подход, который будет включать в себя законодательные изменения, изменение общественного мнения и использование научно обоснованных методов мониторинга.

Анализ материалов, представленных в парламенте, показывает, насколько сложным и многогранным был процесс формирования и принятия определения «исламофобии» в стенах парламента Великобритании. Этот анализ также раскрывает глубокие дискурсивные противоречия, лежащие в основе данного термина.

Во-первых, «рабочее» определение, предложенное APPG в 2018 году, подчеркивает взаимосвязь исламофобии с расизмом. В этом определении исламофобия рассматривается как форма расового насилия, направленного против мусульман или тех, кто воспринимается

как мусульманин. Данное определение стало важным шагом к более глубокому пониманию институциональных и культурных аспектов дискриминации [13], [1]. Однако это определение оказалось в противоречии с юридическими рамками Закона о равенстве 2010 года, который ограничивает понятие «раса» исключительно физиологическими признаками и национальным происхождением. По мнению правительства, этот закон не охватывает религиозную принадлежность [14], [15].

Во-вторых, в период с 2019 по 2024 год в Палате лордов и Палате общин велись активные дискуссии, которые показали серьезный конфликт между необходимостью точного соблюдения законодательства и социальным запросом на признание особых черт антимусульманского неприятия. Консервативное правительство выступало за терминологическую «нейтральность» и предлагало заменить термин «исламофобия» на «антимусульманскую ненависть». Они аргументировали это тем, что так можно будет более открыто высказывать законную критику религии и не допустить подмены уважительной критики негативным отношением. В то же время представители других партий, правозащитные организации и научное сообщество подчеркнули, что без четкого определения невозможно эффективно выявлять и пресекать случаи дискриминации мусульман.

В-третьих, анализ работ британских исследователей демонстрирует, что термин «исламофобия» сам по себе остается дискуссионным. С одной стороны, он охватывает широкий спектр предубеждений и актов агрессии [1]. С другой стороны, чрезмерная обобщенность приводит к тому, что этот термин становится размытым и теряет свою аналитическую эффективность [1, С. 80]. Кристофер Аллен акцентирует внимание на необходимости теоретического анализа понятия, чтобы лучше понять механизмы и мотивы дискриминации [1, С. 100]. А Тарик Модуд и Насар Мир предлагают рассмотреть исламофобию в контексте культурного расизма, который они определяют как гибридную форму угнетения, где переплетаются религиозные, этнические и культурные особенности [4], [5].

Наконец, результаты исследования показывают, что успех любой законодательной инициативы, касающейся определения исламофобии, зависит не только от точности формулировок, но и от политической воли, а также от готовности учитывать права на свободу слова и потребности мусульманских общин в защите от дискриминации. Анализ обращений и постановлений Организации Объединенных Наций демонстрирует, что даже если проблема получила признание на международном уровне, это не всегда гарантирует ее успешное решение на национальном уровне [16], [18].

Результаты исследования показывают, что для выработки четкого и юридически корректного определения исламофобии нужно принимать во внимание не только правовые аспекты, но и социально-политическую действительность. Кроме того, важно глубоко разбираться в дискурсивных механизмах, которые лежат в основе сложного взаимодействия между понятиями расизма, ксенофобии и религиозной нетерпимости.

В будущих исследованиях можно расширить анализ, включив в него качественные методы. Например, можно провести интервью с представителями мусульманских общин и органами власти. Также полезно сравнить британский опыт с практикой других европейских стран. Важно отслеживать динамику дискуссий после апрельских дебатов 2024 года. Это поможет понять, привели ли законодательные обсуждения к реальным изменениям в том, как фиксируются и расследуются преступления на почве ненависти.

Значимость настоящего исследования заключается не только в его содержательной новизне, но и в его потенциале как прикладного инструмента для разработки антидискриминационной политики. Сравнительный анализ парламентского и академического дискурсов позволяет продемонстрировать, как отсутствие унифицированного терминологического подхода затрудняет правоприменение и институциональные механизмы защиты прав мусульманских общин. Кроме того, выявленные разрывы между научным и политическим языками подчеркивают

необходимость диалога между экспертным знанием и государственным регулированием. В условиях усиливающихся культурных и идентичностных напряженностей в мультикультурных обществах подобное исследование может быть использовано как основа для просвещенной правотворческой деятельности, формирования образовательных программ, а также переосмысления публичной риторики, направленной на укрепление социальной сплоченности. Тем самым, исследование вносит вклад в развитие критической политической лингвистики и расширяет инструментарий анализа для специалистов в области прав человека, религиоведения, социологии и культурных исследований.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сравнение парламентских обсуждений и научных споров показывает, что неопределенность в трактовке понятия «исламофобия» - это не просто проблема терминологии. Она оказывает влияние на то, какие формы дискриминации регистрируются статистическими данными, какие действия рассматриваются как преступления на почве ненависти и, в конечном итоге, какие группы получают поддержку от государства.

Применение правительством термина «антимусульманская ненависть» позволяет снизить юридические риски, связанные с Законом о равенстве 2010 года, и обеспечивает защиту права на критику религии. Однако это также приводит к игнорированию расового аспекта, на который указывают как Всепартийная парламентская группа, так и большинство исследователей.

В научных трудах неоднократно отмечается, что неприязнь к носителям мусульманской культуры отражает предвзятость, основанную на культурных различиях, которая усугубляется в средствах массовой информации и политических дискуссиях после Второй мировой войны в связи с «борьбой с терроризмом». Это требует комплексных правовых мер, сопоставимых с теми, которые принимаются в отношении антисемитизма.

Анализ выявил два аспекта проблемы: нормативный – между центральной властью и региональными или оппозиционными структурами, уже принявшими расовое определение APPG, и концептуальный – между сторонниками широкого понимания расизма и защитниками либеральной свободы слова. Необходимо проанализировать, как трансформация законодательства и публичных выступлений влияет на уровень преступлений на почве ненависти и на самовосприятие британских мусульман. Только комплексный подход, включающий в себя правоприменительную практику и глубокие научные изыскания, может стать эффективным ответом на вызовы, которые представляет собой феномен исламофобии.

Исследование базировалась на интерпретации и дискурс-анализе британского опыта изучения исламофобии, в связи, с чем не был представлен опыт других стран, поскольку именно этот ракурс представляет собой интерес для выявления значения исламских традиций в странах не исламского мира, но мира с глубокими связями с исламскими общинами, сформировавшимися как обществ с исламской идентичностью в культурном пространстве Великобритании. Изучение данного вопроса подтверждает гипотезу о присутствии исламофобных настроений и необходимости ее искоренения в мультикультурных обществах. Таким образом, проблема исламофобии является проблемой актуальной в вопросах конструирования межкультурного и межконфессионального диалога, деконструкции радикализма, а также проблемой незаконченного концептуального дискурса по теоретизации и методологии, ее изучение открывает возможности рассмотрения с новых ракурсов и перспектив диалогизации, толерантизации сознания современного человека.

ФИНАНСИРОВАНИЕ

Статья подготовлена в рамках программно-целевого финансирования Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (BR21882428 «Влияние и перспективы ислама как духовно-культурного, политического, социального явления в постнормальные времена: опыт стран Ближнего Востока и Центральной Азии»).

Литература:

1. Allen Ch. *Islamophobia*. – Farnham, Surrey: Ashgate, 2010. – 210 pp.
2. Vakil A. Is the Islam in Islamophobia the Same as the Islam in Anti-Islam; or, When is it Islamophobia Time? // *e-cadernos ces* [Online]. – 2009. – №3. URL: <http://eces.revues.org/178>; (accessed on: 25.08.2024)
3. Meer N., Modood T. *On conceptualising Islamophobia, anti-Muslim sentiment and cultural racism / Thinking Thru' Islamophobia, Workshop papers*. – University of Leeds, Centre of Ethnicity and Racism Studies Working Papers, 2008, – P. 34-39.
4. Meer N., Modood T. For “Jewish” Read “Muslim”? *Islamophobia as a Form of Racialisation of Ethno-Religious Groups in Britain Today* // *Islamophobia Studies Journal*. – 2012. – Vol. 1, No.1. – P. 34-53
5. Modood T., Calhoun C. “Difference”, Cultural Racism, and Antiracism / *Multicultural Politics: Racism, Ethnicity and Muslims in Britain*. – Edinburgh University Press, 2005. – P. 27-45. <http://www.jstor.org/stable/10.3366/j.ctvxcrcfz.6> (accessed on: 25.08.2024)
6. Abbas T. After 9/11: British South Asian Muslims, Islamophobia, Multiculturalism, and the State // *American Journal of Islam and Society*. – 2004. – №21(3). – P. 26-38. <https://doi.org/10.35632/ajis.v21i3.506> (accessed on: 05.08.2024)
7. Moosavi L. *Islamophobia in the representations of Islam and Muslims by the British government between 2001 and 2007* // *Turkish Journal of Sociology*. – 2013. – №2, 3(27), 2013, №2. – P. 333-368.
8. Malik K. *Fear, indifference and engagement: Rethinking the challenge of anti-Muslim bigotry* [Electronic resource] // available at: <https://kenanmalik.com/2017/11/15/rethinking-the-challenge-of-anti-muslim-bigotry/> (accessed on: 10.12.2024)
9. Hasan R. Does "Islamophobia" curtail free speech? // London, Institute of Economic Affairs (IEA), 2022. IEA Discussion Paper. -№112. – Pp. 3-20.
10. Richardson R. *Islamophobia and anti-Muslim racism – concepts and terms, and implications for education*. – Race Equality Teaching, 2008. – P. 11-16.
11. *Islamophobia: A Challenge for Us All* [Electronic resource] // available at: https://cdn.prod.website-files.com/61488f992b58e687f1108c7c/617bfd6cf1456219c2c4bc5c_islamophobia.pdf (accessed on: 25.08.2024)
12. *Islamophobia* [Electronic resource] // available at: <https://hansard.parliament.uk/Lords/2017-10-17/debates/A731DF08-23EA-4D1F-B206-00FCB7EB2C67/Islamophobia%2011> (accessed on: 25.08.2024)
13. *Report on the inquiry into a working definition of Islamophobia* [Electronic resource] // available at: <https://static1.squarespace.com/static/599c3d2febbd1a90cffdd8a9/t/5bfd1ea3352f531a6170ceee/1543315109493/Islamophobia+Defined.pdf> (accessed on: 26.08.2024)
14. *Definition of Islamophobia* [Electronic resource] // available at: <https://hansard.parliament.uk/commons/2019-05-16/debates/CF834846-65CA-46CD-B955-CDEF42BAFB26/DefinitionOfIslamophobia> (accessed on: 26.08.2024)
15. *Islamophobia* [Electronic resource] // available at: <https://hansard.parliament.uk/lords/2020-02-13/debates/D2C6CF82-DDBD-4AB5-949D-C1205E3AF0A4/Islamophobia> (accessed on: 26.08.2024)
16. *Definition of Islamophobia* [Electronic resource] // available at: <https://hansard.parliament.uk/Commons/2024-01-09/debates/24010969000020/DefinitionOfIslamophobia> (accessed on: 26.08.2024)
17. *Hate Crimes Against Muslim Women* [Electronic resource] // available at: https://parliamentlive.tv/event/index/424f81ba-36d3-43ea-a856-efe1d38b3f52?in=11:33:59&gl=1*Igyqe5e*ga*NTc3NDI5NzcxLjE3MjMxMzU0Njc.*ga_L0NJWDWMGN*MTcyMzUwNzIwNS45LjEuMTcyMzUwNzI1OC43LjAuMA (accessed on: 28.08.2024)

18. What is Islamophobia? [Электронный ресурс] // available at: <https://www.un.org/en/observances/anti-islamophobia-day#:~:text=Islamophobia%20is%20a%20fear%2C%20prejudice,the%20online%20and%20offline%20world> (accessed on: 26.08.2024)
19. Official Statistics Hate crime, England and Wales, 2022 to 2023 second edition [Electronic resource] // available at: <https://www.gov.uk/government/statistics/hate-crime-england-and-wales-2022-to-2023/hate-crime-england-and-wales-2022-to-2023> (accessed on: 27.08.2024)
20. Сауд, Э. В. Ориентализм. Западные концепции Востока. – СПб.: Русский Мир, 2006. – 637 с.
21. Vertovec S. Islamophobia and Muslim Recognition in Britain / *Muslims in the West: From Sojourners to Citizens*. – New York: Oxford University Press, 2002. – P. 19-35.
22. Allen F. Islamophobia in the UK: The Role of British Newspapers in Shaping Attitudes towards Islam and Muslims. PhD diss. – University of Wales, Trinity St David, 2014. -P. 134.
23. Brookes G. & Curry N. The changing discourses on Islamophobia in the UK press: A modern-diachronic corpus-assisted study // *Journal of Corpora and Discourse Studies*. – 2024. №7(1). – P. 101-124.
24. Martin N. Are British Muslims Alienated from Mainstream Politics by Islamophobia and British Foreign Policy? // *Ethnicities*. – 2017. – №17(3). – P. 350-70. <https://www.jstor.org/stable/26413957>. (accessed on: 10.12.2024)
25. Uddin S.F. Responding to Islamophobia: British Muslims 'Talk Back' to the UK // *Islamophobia Studies Journal*. – 2023. – V. 8, №1. – P. 57-69.
26. Gould R. R., Does Defining Racism Help Overcome it? / *Forthcoming in Antisemitism, Islamophobia, and the Politics of Definition*. – Palgrave Critical Studies of Antisemitism and Racism, 2020. [Electronic resource] // available at: <https://ssrn.com/abstract=3737334> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3737334> (accessed on: 10.12.2024)
27. Sardar Z. Racism, Identity and Muslims in the West / *Muslim Minorities in the West*. – London: Grey Seal, 1995. – P. 1-17.

References:

1. Allen Ch. Islamophobia. – Farnham, Surrey: Ashgate, 2010. – 210 pp.
2. Vakil A. Is the Islam in Islamophobia the Same as the Islam in Anti-Islam; or, When is it Islamophobia Time? // *e-cadernos ces* [Online]. – 2009. – №3. URL: <http://eces.revues.org/178>; DOI: 10.4000/eces.178 (accessed on: 25.08.2024)
3. Meer N., Modood T. On conceptualising Islamophobia, anti-Muslim sentiment and cultural racism / *Thinking Thru' Islamophobia, Workshop papers*. – University of Leeds, Centre of Ethnicity and Racism Studies Working Papers, 2008, – P. 34-39.
4. Meer N., Modood T. For “Jewish” Read “Muslim”? Islamophobia as a Form of Racialisation of Ethno-Religious Groups in Britain Today // *Islamophobia Studies Journal*. – 2012. – Vol. 1, No.1. – P. 34-53
5. Modood T., Calhoun C. “Difference”, Cultural Racism, and Antiracism / *Multicultural Politics: Racism, Ethnicity and Muslims in Britain*. – Edinburgh University Press, 2005. – P. 27-45. <http://www.jstor.org/stable/10.3366/j.ctvxcrfcz.6> (accessed on: 25.08.2024)
6. Abbas T. After 9/11: British South Asian Muslims, Islamophobia, Multiculturalism, and the State // *American Journal of Islam and Society*. – 2004. – №21(3). – P. 26-38. <https://doi.org/10.35632/ajis.v21i3.506> (accessed on: 05.08.2024)
7. Moosavi L. Islamophobia in the representations of Islam and Muslims by the British government between 2001 and 2007 // *Turkish Journal of Sociology*. – 2013. – №2, 3(27), 2013, №2. – P. 333-368.
8. Malik K. Fear, indifference and engagement: Rethinking the challenge of anti-Muslim bigotry [Electronic resource] // available at: <https://kenanmalik.com/2017/11/15/rethinking-the-challenge-of-anti-muslim-bigotry/> (accessed on: 10.12.2024)

9. Hasan R. Does "Islamophobia" curtail free speech? // London, Institute of Economic Affairs (IEA), 2022. IEA Discussion Paper. -№112. – Pp. 3-20.
10. Richardson R. Islamophobia and anti-Muslim racism – concepts and terms, and implications for education. – Race Equality Teaching, 2008. – P. 11-16.
11. Islamophobia: A Challenge for Us All [Electronic resource] // available at: https://cdn.prod.website-files.com/61488f992b58e687f1108c7c/617bfd6cf1456219c2c4bc5c_islamophobia.pdf (accessed on: 25.08.2024)
12. Islamophobia [Electronic resource] // available at: <https://hansard.parliament.uk/Lords/2017-10-17/debates/A731DF08-23EA-4D1F-B206-00FCB7EB2C67/Islamophobia%2011> (accessed on: 25.08.2024)
13. Report on the inquiry into a working definition of Islamophobia [Electronic resource] // available at: <https://static1.squarespace.com/static/599c3d2febbd1a90cffdd8a9/t/5bfd1ea3352f531a6170ceee/1543315109493/Islamophobia+Defined.pdf> (accessed on: 26.08.2024)
14. Definition of Islamophobia [Electronic resource] // available at: <https://hansard.parliament.uk/commons/2019-05-16/debates/CF834846-65CA-46CD-B955-CDEF42BAFB26/DefinitionOfIslamophobia> (accessed on: 26.08.2024)
15. Islamophobia [Electronic resource] // available at: <https://hansard.parliament.uk/lords/2020-02-13/debates/D2C6CF82-DDBD-4AB5-949D-C1205E3AF0A4/Islamophobia> (accessed on: 26.08.2024)
16. Definition of Islamophobia [Electronic resource] // available at: <https://hansard.parliament.uk/Commons/2024-01-09/debates/24010969000020/DefinitionOfIslamophobia> (accessed on: 26.08.2024)
17. Hate Crimes Against Muslim Women [Electronic resource] // available at: https://parliamentlive.tv/event/index/424f81ba-36d3-43ea-a856-efe1d38b3f52?in=11:33:59&gl=1*1gyqe5e*ga*NTc3NDI5NzcxLjE3MjMxMzU0Njc.*ga_L0NJWDWMGN*MTcyMzUwNzIwNS45LjEuMTcyMzUwNzI1OC43LjAuMA (accessed on: 28.08.2024)
18. What is Islamophobia? [Электронный ресурс] // available at: <https://www.un.org/en/observances/anti-islamophobia-day#:~:text=Islamophobia%20is%20a%20fear%20C%20prejudice,the%20online%20and%20offline%20world> (accessed on: 26.08.2024)
19. Official Statistics Hate crime, England and Wales, 2022 to 2023 second edition [Electronic resource] // available at: <https://www.gov.uk/government/statistics/hate-crime-england-and-wales-2022-to-2023/hate-crime-england-and-wales-2022-to-2023> (accessed on: 27.08.2024)
20. Said, Je. V. Orientalizm. Zapadnye koncepcii Vostoka [Orientalism: Western Conceptions of the Orient]. – SPb.: Russkij Mir#, 2006. – 637 s. (in Russian)
21. Vertovec S. Islamophobia and Muslim Recognition in Britain / Muslims in the West: From Sojourners to Citizens. – New York: Oxford University Press, 2002. – P. 19-35.
22. Allen F. Islamophobia in the UK: The Role of British Newspapers in Shaping Attitudes towards Islam and Muslims. PhD diss. – University of Wales, Trinity St David, 2014. -P. 134.
23. Brookes G. & Curry N. The changing discourses on Islamophobia in the UK press: A modern-diachronic corpus-assisted study // Journal of Corpora and Discourse Studies. – 2024. №7(1). – P. 101-124.
24. Martin N. Are British Muslims Alienated from Mainstream Politics by Islamophobia and British Foreign Policy? // Ethnicities. – 2017. – №17(3). – P. 350-70. <https://www.jstor.org/stable/26413957>. (accessed on: 10.12.2024)
25. Uddin S.F. Responding to Islamophobia: British Muslims 'Talk Back' to the UK // Islamophobia Studies Journal. – 2023. – V. 8, №1. – P. 57-69.
26. Gould R. R., Does Defining Racism Help Overcome it? / Forthcoming in Antisemitism, Islamophobia, and the Politics of Definition. – Palgrave Critical Studies of Antisemitism and Racism, 2020. [Electronic resource] // available at: <https://ssrn.com/abstract=3737334> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3737334> (accessed on: 10.12.2024)
27. Sardar Z. Racism, Identity and Muslims in the West / Muslim Minorities in the West. – London: Grey Seal, 1995. – P. 1-17.